

Предартиклевые употребления протоартикла *se* в древнеанглийском языке

Н. Б. Пименова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); nb.pimenova@hse.ru; ORCID: 0000-0002-5244-5584

Аннотация. В статье рассматривается дистрибуция древнеанглийских протоартикла и местоимения ближнего дейксиса в диалоге, существенная для понимания функционального фона грамматикализации артикла. При обозначении референта, находящегося в «зоне действия» ближнего дейксиса, протоартиклевое местоимение используется только в особых случаях: при катафоре к придаточному относительноному и в случае смены инклюзивной точки зрения на точку зрения третьего лица. По своим особенностям эти употребления являются еще предартиклевыми, лишь подготавливая экспансию артиклевых форм.

Ключевые слова: артикль, протоартикль, ближний дейксис, речевая ситуация, грамматикализация, германские языки, древнеанглийский язык.

Pre-article use of the protoarticle *se* in Old English

Natalia B. Pimenova

HSE University (Moscow, Russia); nb.pimenova@hse.ru;
ORCID: 0000-0002-5244-5584

Abstract. The article explores the use of the Old English proto-article pronoun *se* in dialogues with reference to some object in the proximal zone located near both the speaker and the addressee. Since the weak demonstrative *se* with the «weakly deictic meaning» had not yet completely undergone desemantization and grammaticalization by then (and could not be used to denote unique reference only), the proximal deixis pronoun *þes* would normally occur in this position. However, there were two types of contexts in which the proto-article pronoun *se* could be found. First, *se* occurred in cases of cataphoric reference to relative clauses, which reveals asymmetry of the anaphoric

and cataphoric relations in terms of the distribution of the proto-article. Second, the proto-article pronoun would replace the proximal demonstrative *þes* when a switchover to the point of view of a third person mentioned in the narrative took place. Since the West German proto-article pronoun is often attributed to indicate the sphere of the third person (presumably, an element of a person-oriented system of deixis in Proto-Germanic and in Old Germanic languages), the hypothesis of an indirect reflection of the original meaning of *se* in such contexts seems to be quite likely. The anaphoric function of the proto-article pronoun *se*, i.e., that of reference in a narrative context, could be identified with an indication of the external space of communication. By their nature, both uses are due to the properties of the pronoun in discourse and can be attributed to the pre-article use. The pre-article distribution of *se* is revealed on the evidence of Old English poetic texts (the main source for this analysis is the oldest surviving epic poem *Beowulf*) where the anaphoric use of the proto-article in narratives is only sporadic. The findings may help to expand our understanding of pronouns distribution and of the functional background behind the grammaticalization of the West Germanic article.

Keywords: article, proto-article, proximal deixis, speech event, grammaticalization, Germanic languages, Old English.

1. Введение

В центре внимания данной статьи находятся некоторые особенности употребления древнеанглийского протоартиклевого местоимения *se*, до сих пор не становившиеся предметом анализа. Речь идет о дистрибуции протоартиклевого местоимения и местоимения ближнего дейксиса в диалоговом режиме, т. е. при референции к объекту, который в ситуации речи находится в пределах доступности говорящего и слушающего. Вопреки ожиданиям, для такой референции в некоторых случаях используется не местоимение ближнего дейксиса ‘этот’, а «слабоуказательное» анафорическое протоартиклево местоимение *se*. В диахронической перспективе это означает, что уже на самой ранней стадии эволюции к артиклевой системе формируется участок употребления протоартиклевого местоимения, предвосхищающий проникновение артикля в зону ближнего дейксиса при

диалоговом режиме. На более поздней стадии грамматикализация протоартикля «втягивает» такие контексты в зону артиклевых употреблений, подвергая их статус переосмыслению.

2. Особенности грамматикализации артикля в древних западногерманских языках

Древнеанглийский язык (VII–XI вв.) входит в западногерманскую подгруппу древнегерманских языков, к которой относятся также древнефризский, древневерхненемецкий, древнесаксонский и древненижнефранский языки. Для ранней стадии формирования западногерманского артикля, которая достаточно хорошо описана для оригинальных прозаических текстов¹, характерны как полностью сформированное, последовательное анафорическое употребление «артиклевого» местоимения в прозаических текстах (этап «анафорического артикля»), так и переход к маркированию ситуативной определенности (ко второй стадии грамматикализации, ср. [Hawkins 2004: 84]). На этой стадии еще отсутствуют систематическое маркирование *unica* и генерическое употребление протоартикля [Hodler 1954: 30; Moskalskaya 1977: 263, 272–276; Heine, Kuteva 2006: 103; Sommerer 2011: 231]; кроме того, протоартикли, как правило, не употребляются при именах с отвлеченным значением [Moskalskaya 1977: 248, 277].

Таким образом, в прозаических повествовательных текстах (нарративе) основную «переходную» зону варьирования составляет варьирование **протоартикль** — **Ø**: в ходе дальнейшего развития протоартикль постепенно проникает в новые типы немаркированных контекстов. Эта переходная зона варьирования хорошо изучена, чего нельзя сказать об экспансии протоартикля в диалоге (ср. отсутствие этой проблематики в последних обобщающих трудах [Szczeplaniak, Flick 2020; Skrzypek et al. 2021a]).

---

¹ Имеются в виду прозаические тексты за исключением подстрочных пословных переводов с латинского (глоссы).

Уже грамматикализированный артикль может вступать в диалог в конкуренцию с местоимением ближнего дейксиса 'этот', поскольку на поздней стадии грамматикализации он десемантизируется и приобретает способность указывать только на единственность референции, в том числе в зоне доступности говорящего и адресата [DeMulder, Carlier 2012: 2; Skrzypek et al. 2021b: 27]. Для раннего артикля, по происхождению связанного с анафорическим местоимением, такое употребление не должно быть характерным, поэтому объектом наблюдения за ранним артиклем в диалоге может быть и варьирование **протоартикль — местоимение ближнего дейксиса 'этот'**.

Иными словами, можно полагать, что референция к объектам в зоне доступности говорящего и адресата (в современных исследованиях говорят также о личном и ближнем экстраличностном пространстве: *peripersonal, extrapersonalspace* [Peeters et al. 2021: 411; Levinson 2018: 8, 9, 31]; с поправкой на общее коммуникативное пространство и непосредственное физическое окружение локуторов [Janssen 2004: 985–986; Peeters et al. 2021: 411–413]) на ранней стадии должна осуществляться преимущественно с помощью местоимения ближнего дейксиса. Второе предположение, требующее проверки, заключается в том, что употребление протоартиклевого местоимения в таких контекстах определяется некоторыми особыми условиями. Как мы покажем далее, эти употребления в ранних древнеанглийских памятниках представляют собой не случаи постепенного «просачивания» протоартиклевого местоимения в новые контексты, а, скорее, контексты, свойственные данному местоимению на преартиклевой стадии.

3. Проблематика и возможности функционального подхода к возникновению артикля

Как известно, магистральная тенденция грамматикализации западногерманского артикля соответствует общетипологическим закономерностям, по которым определенный артикль возникает из «ослабленного» демонстратива или анафорического маркера, постепенно

распространяющегося на новые контексты [De Mulder, Carlier 2012: 2]. Между тем, при общем научном консенсусе относительно универсальных путей грамматикализации артикля, в последнее время у исследователей возникает все больше вопросов, касающихся «функционального фона» развития артикля в разных языках, то есть тех исходных условий дистрибуции и функционирования местоимений, которые влияли на «выбор» артиклевого местоимения и особенности его грамматикализации [Carlier, De Mulder 2010; Schlachter 2020]. В фокусе анализа при таком направлении исследования находятся как семантика и функции местоимений «до грамматикализации», так и контексты, которые на протоартиклевой стадии подготавливают — как количественно, так и качественно — более поздние употребления собственно артикля.

Применение подобного подхода к древнеанглийскому протоартиклю затруднено тем обстоятельством, что значение и употребление самого протоартиклевого местоимения в доартиклевый период, строго говоря, остается неясным. В соответствии с традиционной интерпретацией протоартиклевое указательное местоимение *so, *þat*, *sō* (муж. род, ср. род, ж. род), восходящее к основам ИЕ **te/to*, **so/sā* (две основы в парадигме), исходно имело «относительно слабое общеуказательное значение» [СГЯ 1963: 318] и поэтому употреблялось в германских языках преимущественно в качестве анафорического местоимения [Miller 2019: 65]. Однако доступ к языковым данным «доартиклевой» эпохи затруднен. Как известно, письменные памятники на западногерманских языках (VII–XI в. н. э.) создаются уже в период полной грамматикализации определенного артикля в анафорической функции (первая стадия грамматикализации по Дж. Хокинсу [Hawkins 2004: 84]) и функции маркирования ситуативной определенности (вторая стадия грамматикализации [Hawkins 2004: 85]). В восточногерманском готском языке (IV в. н. э.), где артикль еще проходит первую анафорическую стадию развития и его анафорическое использование не является полностью регулярным, в *sa*, *þata*, *so* совпадают функции анафорического местоимения (протоартикля) и местоимения ближнего дейксиса ‘этот’; таким образом, предположительно исходное «слабоуказательное» значение (neutral deixis [Miller 2019: 64]) оказывается труднодоступным для анализа.

Ситуация осложняется перестройкой системы дейксиса в восточногерманском готском и западногерманском языках. В разных языках появляются новые (различные) местоимения ‘этот’ для указания на инклюзивную зону говорящего и адресата [СГГЯ 1963: 321–322], при этом старые основы (общегерманское *hi) могут маргинализироваться, выступая на ограниченных участках употребления как элементы лично-ориентированной системы дейксиса (указание на сферу 1-го лица) [Пименова 2017]. Как бывший элемент лично-ориентированной системы дейксиса нередко трактуется и анафорическое местоимение *so, *þat*, *sō*, которое в экзофорической функции предположительно указывало на референт в зоне 3-го лица [СГГЯ 1963: 318]. Кроме того, в готском и западногерманских языках употребляется особое местоимение дальнего дейксиса ‘тот’ для указания на объект, находящийся на значительном расстоянии от локуторов (в экзофорической функции — элемент дистантно-ориентированной системы дейксиса). [Пименова 2017; Miller 2019: 64].

В древнеисландском языке (северогерманская группа) *sá*, *þat*, *sú* ‘этот, тот’ не имеет функциональных артиклевых наслоений, поскольку артикль (будущий скандинавский постпозитивный артикль) развивается из другого местоимения [Gutenbrunner 1951: 115; Stroh-Wollin 2016; Skrzypek et al. 2021b: 45–51]. Древнеисландское *sá*, *þat*, *sú* употребляется как местоимение ближнего дейксиса, в анафорической функции для указания на уже упомянутое в дискурсе либо в катафорической функции, предворяя подобное указание, а также в некоторых случаях заменяет личное местоимение 3-го лица [Стеблин-Каменский 2002: 91–92; Skrzypek et al. 2021b: 47–48]. Однако проецировать поздние данные северогерманского языка на раннюю западногерманскую или общегерманскую эпоху представляется затруднительным.

«Окном» в раннюю дистрибуцию древнеанглийского протоартиклевого местоимения могут служить ранние поэтические тексты, в которых это местоимение употребляется лишь спорадически. Употребление протоартиклевого местоимения в поэтических текстах, где отсутствует его последовательное использование даже в анафорической функции (т. е. в функции раннего анафорического артикля), мы будем условно называть предартиклевым.

При анализе поэтических памятников допустимо исходить из того, что, хотя контексты протоартикля в поэтическом тексте фрагментарны, т. е. отражают лишь часть употреблений, возможных в прозе, они не могут существенно противоречить узусу. Язык записанного поэтического текста можно считать либо стадияльно ранним (по состоянию грамматикализации артикля), либо текстом, включающим отдельные словоупотребления, свойственные более поздней эпохе (эпохе записи текста); однако в любом случае употребление протоартиклевого местоимения и его дистрибуция с другими местоимениями представляют собой доступный для анализа объект. Существенно, что, поскольку в древнеанглийском аллитерационном стихе местоимения занимают слабую позицию (вне аллитерации), влиянием организующих принципов стиха на выбор местоимений допустимо пренебречь.

В качестве традиционного базового источника здесь можно использовать поэму «Беовульф» (датировка между VIII–X в. н. э., повествование о событиях VI в. н. э., ср. [Steiner 2008; Neidorf 2014]). В «Беовульфе» содержится наибольшее количество диалогов и монологов значительного объема; кроме того, в этой древнеанглийской поэме высказывания героев не просто транслируют их намерения, но и в наиболее сильной степени реферируют к разным объектам окружающего предметного мира. Это позволяет выделить при сплошном анализе местоименных употреблений целый ряд контекстов, которые выявляют специфику употребления протоартиклевого местоимения.

4. Условия употребления протоартиклевого *se* в зоне ближнего дейксиса

Анализ местоименных употреблений в «Беовульфе» позволяет установить следующее.

Использование в «Беовульфе» местоимения *þes*, *þeos*, *þis* ‘этот’ в экзофорической функции для указания на объекты в зоне

доступности говорящего — адресата тривиально, ср. напр. ситуацию дарения с обозначением ближнего объекта²:

- (1) *Bruc-Ø*   *ðiss-es*   *beag-es,*
 владеть-2SG.IMP   этот³-GEN.SG   кольцо-GEN.SG
Beowulf   *leof-a!*⁴
 Беовульф   дорогой-NOM.SG
 ‘влады **этим кольцом**, дорогой Беовульф’. (1217)

Аналогично в ситуации вручения трофеев в отрывке 1653–1654.

В то же время в прямой речи при обозначениях ближних объектов встречается замена местоимения ближнего дейксиса на протоартиклевое местоимение.

Во-первых, использование протоартикла для зоны локуторов фиксируется при тех именах, которые распространяются относительным придаточным предложением. Иными словами, катафорическая функция протоартикла — модель ориентации в тексте — предпочитается в этих случаях ориентации на актуальную ситуацию речи.

Наиболее яркий пример здесь — отрывок 2795–2797 (смертельно раненный герой произносит последние слова рядом с добытым кладом):

- (2) *gomel on giohð-e*   (*gold-Ø*   *sceawo-de*): /
 старый в   печаль-GEN.SG   золото-ACC.SG   смотреть-3SG.PRET
 «*Ic*   *ðara*   *frætw-a*   *frea-n*   *eall-es*
 я;NOM   DEM;GEN.PL   сокровища-GEN.PL   господь-DAT.SG   весь-GEN.SG
ðanc-Ø, /   *wuldurcýning-e,*   *word-um*
 благодарность-NOM.SG   слава-король-DAT.SG   слово-DAT.PL
secg-e, /   *ec-um*
 говорить-1SG.PRS   вечный-DAT.SG

² Древнеанглийские поэмы здесь и далее цитируются по корпусу The Online Corpus of Old English Poetry.

³ Местоимение ближнего дейксиса далее глоссируется семантически (‘этот’), а протоартиклевое — обозначением DEM.

⁴ Косой чертой обозначается граница стихотворной строки.

dryhtn-e, þe ic her on stari-e»
 господин-DAT.SG REL я;НОМ здесь на смотреть-1SG.PRS

‘⟨...⟩ (заговорил) почтенный со скорбью, глядя на золото:
 /«Я за **те сокровища** господу (всего) благодарность, / царю
 славы, словами молвлю, / вечному властителю, на которые
 я здесь смотрю’.

При имени, от которого зависит придаточное определительное, стоит артиклевое местоимение, а не местоимение ближнего дейксиса, хотя доступность, а также видимость референта (‘сокровища’ = ‘золото’) не только вытекает из контекста, но и эксплицируется говорящим в прямой речи. Проникновение протоартикля в зону ответственности местоимения ближнего дейксиса в данном случае несомненно.

Отмеченная особенность отчетливо выступает и при сравнении диалоговых контекстов с референцией к боевому снаряжению участников диалога, где также наблюдается переключение с местоимения ближнего дейксиса на протоартиклевое местоимение. При упоминании боевого снаряжения на героях — участниках диалога местоимение ближнего дейксиса ожидаемо используется даже в тех случаях, когда объекты упоминаются в контексте прошедших событий:

- (3) *Ic   ðæt   mæl-∅   geman-∅,*
 я;НОМ DEM;ACC.SG.N пора-ACC.SG   помнить\SG.PRS-1SG.PRS
 þær   we   medu-∅   þeg-un, /
 когда мы;НОМ брага-ACC.SG   принимать\PL.PRET-3PL.PRET
 þonne we;НОМ   gehet-on   uss-um
 тогда мы   клясться \PL.PRET-PL.PRET   наш- DAT.SG
 hlaford-e /   in   biorsele,   ðe   us
 господин-DAT.SG   в   пиво-зал-DAT.SG   REL   мы;DAT
 ðas   beag-as   geaf-∅ /
 этот;ACC.PL   кольцо- ACC.PL   дать \ SG.PRET-3SG.PRET

‘Я вспоминаю ту пору, когда мы пировали, / когда обещали кормильцу нашему — / в зале пивном — что нам **эти кольца** даровал /’. (2634–2636). (‘Кольца’ — обычное обозначение кольцевых браслетов или кольчуги; как следует из предыдущего описания даров, речь идет о ‘плетеной броне’, т. е. о кольчуге).

- (4) *onmun-de-∅*   *usic*   *mærð-a,*   *ond me*
 почитать-PRÉT-3SG.PRÉT   мы;ACC   подвиг-ACC.PL   и   я;DAT
þas   *maðm-as*   *geaf-∅, /*   *þe he*
 этот-ACC.PL   сокровище-ACC.PL   дать-3SG.PRÉT   REL   он;NOM
usic   *garwigend*   *god-e*   *teal-de-∅/*
 мы;ACC   воины   хороший-ACC.PL   называть-PRÉT-3SG.PRÉT
 ‘...почитал нас за славные подвиги и дал мне **эти сокровища**,
 ибо считал нас добрыми бойцами’. (2641 –2642) (‘Сокровища’ — одно из обычных обозначений богатого, ювелирно украшенного боевого снаряжения).

Однако при наличии последующего придаточного определительного в сходном контексте используется протоартиклевое *ða*, ср.:

- (5) *(þæt)* *se*   *mondryhten-∅*   *se*   *eow*
 что   DEM;NOM.M   господин-NOM.SG   DEM;NOM.M   вы;DAT
ða   *maðm-as*   *geaf-∅, /*
 DEM;NOM.PL   сокровище-ACC.PL   дать\PRÉT-3SG.PRÉT
eoredgeatwe-∅,   *þe ge*   *þær on stand-að /*
 снаряжение;ACC.SG   REL   вы;NOM   тут   на   стоять-PL.PRS
 ‘(что) тот господин, который дал вам **эти сокровища**, / снаряжение, в котором вы стоите /’. (2865–2867)

Ða maðmas ‘сокровища’ варьируется здесь с *eoredgeatwe* ‘снаряжение’, то есть придаточное определительное относится одновременно к двум именам, обозначающим один референт.

Употребление, аналогичное рассмотренным (с протоартиклевым местоимением при придаточном), фиксируется, кроме того, в 1483 (см. об этом контексте далее пример (9)).

Местоимение ближнего дейксиса регулярно используется в условиях катафорических отсылок, но мы не наблюдаем такого же эффекта в случаях анафоры. Так, местоимение ‘этот’ дважды фиксируется применительно к одному референту (боевое снаряжение на участниках диалога) в ближнем контексте 2634–2641 (см. примеры (3) и (4)).

Хотя и анафора и катафора относятся в таксономии Т. Гивона к «ментальной модели текущего дискурса» (в отличие от модели

ситуации речи) [Givón 2001: 459], которая формирует отдельный тип употребления артикля [Givón 2001: 460], мы можем констатировать, что древнеанглийское протоартиклевое местоимение может по-разному использоваться в диалоге при анафорических и катафорических ссылках. (О других, уже известных в типологии случаях асимметрии употребления местоимений в анафоре и катафоре см. напр. [Himmelman 1996: 212; Peeters et al. 2021: 419]).

Таким образом, первый возможный контекст «нейтрализации» ближнего дейксиса — употребление при имени придаточного относительного. При этом катафорическая отсылка к придаточному предложению предпочитается отсылке к ситуации речи (ближнему дейксису).

Анализ позволяет с достаточной уверенностью установить и другой, более сложный тип «подавления» (нейтрализации) ближнего дейксиса, который можно определить как переход точки наблюдения на другого субъекта, упомянутого в диалоге.

Первая серия релевантных контекстов — упоминания героями ‘палат’ Хеорот, которые в соответствии с особенностями синонимического варьирования в древнеанглийских поэтических текстах могут обозначаться различными словами (*sele* ‘палаты’, *heall* ‘зал’ и сложные слова с этими компонентами в синонимическом употреблении).

В отрывке 403–456 главный герой поэмы Беовульф входит вместе со своей дружиной в палаты «принимающей стороны» и обращается к властителю Хродгару (контекст: Беовульф рассказывает о мотивах приезда с дружиной на помощь после того, как до него дошли вести о нападениях на Хеорот великана Гренделя):

- (6) *secg-að*   *sæliðend*   *þæt þæs*   *sele*
 говорить-3PL.PRS   морестранники   что этот;НОМ   зал
stand-e, /   *reced-Ø*   *selesta, rinc-a*   *gehwylc-um/*
 стоять-SG.SBJV.PRS   дом-НОМ   лучший   воин-GEN.PL.   каждый-DAT.PL
idel   *ond unnyt /*
 пустой   и   ненужный

‘...говорят морестранники, что **сии палаты** стоят, / хоромы наипрекраснейшие, для воинов всех / пустые и праздные’.
 (412–414)

В эпизоде ‘палаты’ — объект, о котором говорят, и он же находится в поле зрения говорящего и слушающего (внутри палат находится и Беовульф, и его адресат); в этом случае слово *sele* ‘палаты’, как и можно ожидать, стоит с местоимением ближнего дейксиса (*þæs sele* ‘сии палаты’).

Однако немного далее в том же монологе Беовульф говорит о предполагаемом продолжении нападений Гренделя на Хеорот:

- (7) *Wen-∅ ic þæt he will-e,*
думать-1SG.PRS я;NOM что он;NOM хотеть-SG.SBJV.PRS
gif he wealdan mot-∅, / in þæ-m
если он;NOM управить мочь-3SG.PRS в DEM-DAT.SG
guðsele Geot-ena leod-e / etan unforhte,
бой-зал; DAT.SG гаут-GEN.PL люди-ACC.PL есть бесстрашно
swa he oft dy-de-∅ /
как он;NOM часто делать\PRET-3SG.PRET

‘Полагаю я, что он хочет, если случаем воспользуется, / в **боевом зале** людей гаутов / пожирать без опаски, как делал он часто’. (443–445)

‘Палаты’ Хеорот (сложное слово ‘боевой зал’) в этом контексте стоят не с местоимением ‘этот’, а с протоартиклевым *se*. Изменению местоименной стратегии соответствует изменение точки зрения: референция к объекту остается неизменной, но переключается точка зрения, и указание на ‘зал, палаты’ оказывается ориентированным на третье лицо (на Гренделя — субъекта намерений внутри повествования, ведущегося говорящим в диалоге)⁵. При этом референт перестает маркироваться с точки зрения субъекта речи, т. е. как объект, находящийся в поле ближнего дейксиса.

Иная интерпретация, предполагающая, что после первого упоминания объекта выбирается анафорическое протоартиклевое

⁵ Уместно напомнить, что Е. В. Падучева терминологически использует понятие «точка зрения» для описания значения первичных (ориентированных на говорящего) и вторичных дейктических элементов и иных эгоцентриков (как и термины «субъект сознания», «субъект восприятия», «носитель точки зрения» и т. п.) [Падучева 2008: 412–414].

местоимение, опровергается последующим возвращением к местоимению ближнего дейксиса: в ответе Хродгара анафорическое местоимение не используется, хотя те же ‘палаты’ упомянуты в ближайшем контексте:

- (8) *Ful oft gebeote-d-on beor-e druncn-e /*
 очень часто хвалиться-ПРЕТ-ПЛ пиво-ДАТ.СГ пьяные-НОМ.ПЛ
... oretmecn-as / þæt hie in beorsele-Ø
 воин-НОМ.ПЛ что они;НОМ в пиво-зал-ДАТ.СГ
bidan wol-d-on/ Grendl-es gup-e
 ждать хотеть-ПРЕТ-ПЛ. Грендель-ГЕН.СГ битва-ОБЛ.СГ
mid gryr-um ecg-a./ ðonne wæs-Ø
 с ужас-ДАТ.ПЛ меч-ГЕН.ПЛ тогда быть\СГ.ПРЕТ-3СГ.ПРЕТ
þeos medoheal-Ø onmorgentid-Ø, /
 этот;НОМ мед-зал-НОМ.СГ в утреннее-время-НОМ.СГ
drihtsele-Ø dreorfah-Ø /
 воинов-палата-НОМ.СГ кровеокрашенный-НОМ.СГ

‘Часто хвалились пивом упитые / <...> дружинники, / что они в палате пиров ждать останутся / битвы с Гренделем жестокими клинками. / Потом был **сей бражный зал** к утру, / дружинная палата, кровью залит?’. (481–486)

Как очевидно, употребление местоимения ближнего дейксиса (*þeos medoheal* ‘сей бражный зал’) означает возвращение к инклюзивной точке зрения, ориентированной на говорящего и слушающего: Хродгар как свидетель событий описывает палаты, к утру залитые кровью, с позиции обитателей Хеорота и находящихся в Хеороте в данный момент.

Отход от инклюзивности и переключение на точку зрения третьего лица, упомянутого в диалоге (по типу примера (7)), можно констатировать далее, в отрывке 1475–1492. Перед выходом на новое сражение с чудовищем Беовульф на случай гибели распоряжается судьбой принадлежащих ему ценностей:

- (9) *þu ða madm-as þe þu me*
 ты;НОМ ДЕМ;АСС.ПЛ сокровища-АСС.ПЛ REL ты;НОМ я;ДАТ

<i>seal-de-st, /</i>	<i>Hroðgar</i>	<i>leof-a,</i>	<i>Higelac-e</i>	
дарить- <small>PRET-2SG</small>	Хродгар	милый- <small>NOM.SG</small>	Хигелак- <small>DAT.SG</small>	
<i>onsend./</i>	<i>Mæg-Ø</i>	<i>þonne on þæ-m</i>		
послать- <small>2SG.IMP</small>	мочь\ <small>PRS-3SG.PRS</small>	тогда	наэтот- <small>DAT.SG</small>	
<i>gold-e</i>	<i>ongitan</i>	<i>Geat-a</i>	<i>dryhten-Ø, /</i>	<i>geseon</i>
золото- <small>DAT.SG</small>	понять	гаут- <small>GEN.PL</small>	господин- <small>NOM.SG</small>	увидеть
<i>sunu-Ø</i>	<i>Hrædl-es,</i>	<i>þonne he</i>	<i>on þæt</i>	
сын- <small>NOM.SG</small>	Хредель- <small>GEN.SG</small>	когда он; <small>NOM</small>	на этот; <small>ACC.SG.N</small>	
<i>sinc-Ø</i>	<i>stara-ð, /</i>	<i>þæt ic</i>	<i>gumcyst-um</i>	
клад- <small>ACC.SG</small>	смотреть- <small>3SG.PRS</small>	что я; <small>NOM</small>	доблесть- <small>DAT.PL</small>	
<i>god-ne</i>	<i>fund-e /</i>	<i>beag-a</i>	<i>brytta-n /</i>	
хороший- <small>ACC.SG.M</small>	найти\ <small>PRET-SG.SBJV</small>	кольцо- <small>GEN.SG</small>	дробитель- <small>OBL</small>	

‘...сокровища, что ты мне подарил, / дорогой Хродгар, Хигелаку пошли. / Поймет по золоту властитель гаутов, / увидит сын Хределя, когда он будет смотреть на **сокровище**, / что я доблестью нашел хорошего господина, / дарителя колец’. (Прочитрованы строки 1483–1488)

Ситуация, в которой Беовульф получил от Хродгара дары (‘золото’, ‘сокровище’), подробно описана в поэме (см. ст. 1021 и далее): ему вручают ювелирно украшенные шлем, панцирь, меч, а также браслеты и нашейное кольцо, которые он отныне будет носить (1193–1215). Таким образом, речь идет о доспехах и снаряжении воина, которые находятся на Беовульфе в момент речи. Тем не менее при обозначении ценностей дважды используется протоартиклевое *se*: переключение на наблюдение третьим лицом — Хигелаком, который может получить сокровища, — эксплицитно выражено (‘будет смотреть’). В этом случае мы имеем дело уже не субъектом намерений, как в примере (7), а с субъектом восприятия (зрения), однако существенно, что в обоих примерах «субъектность» персонажа внутри повествовательной части диалога, мотивирующая отход от ориентации на говорящего — повествователя), эксплицитно выражена.

Можно показать, что перенесение ситуации в план предполагаемого будущего, подразумеваемое в этом примере, нерелевантно для выбора протоартиклевого местоимения. Так, местоимение ближнего

дейксиса остается на ожидаемом месте в контексте, где Беовульф говорит о возможном исходе сражения:

- (10) *Ic gefremman sceal-Ø /*
 я;НОМ проявить должен\PRS-1SG.PRS
eorlic-Ø ellen-Ø, oþðe endedæg-Ø /
 воинский-ACC.SG доблесть-ACC.SG или последний-день-ACC.SG
on þisse meoduheall-e min-ne gebidan./
 в этот-DAT.SG браги-зал-DAT.SG мой-ACC.SG.M дожидаться
 ‘Я проявлю / воинскую доблесть, или последнего дня / моего в этом бражном зале дождусь’. (637–639)

Речь произносится в зале, где ожидается битва и где находится герой и его слушатели. Ситуация является лишь вероятной в будущем, однако здесь соблюдается как базовое условие употребления местоимения ‘этот’ (объект в зоне доступности говорящего и адресата), так и выведенное нами условие инклюзивности (ситуация представлена с точки зрения говорящего, отсутствует возможная точка зрения третьего лица).

Таким образом, условия реализации инклюзивной точки зрения в диалоге, насколько мы можем судить по фрагментарным письменным свидетельствам, включают:

- а) общее для ближнего дейксиса условие присутствия объекта в зоне доступности / видимости⁶ для говорящего и адресата;
- б) совпадение точки зрения говорящего с точкой зрения субъекта описываемых действий (специальное условие); ср. пример (8): Хродгар находится в палатах и рассказывает в качестве свидетеля прошлых событий, как палаты были залиты кровью после схватки.

О степени обязательности условия (б) на основании письменных источников судить затруднительно, можно лишь констатировать дистрибуцию засвидетельствованных форм в соответствии с этим

⁶ О взаимодействии факторов доступности (в личностном пространстве) и видимости в типологии местоимений ближнего дейксиса см. [Skilton, Peeters 2021: 251–252].

условием. В то же время само наличие данной дистрибуции, т. е. неравномерного распределения местоимений по контекстам, не позволяет говорить об однозначной связи выбора протоартиклевого местоимения с простым переключением в диалоге на наррацию и, соответственно, с переключением на анафорическое протоартиклевое местоимение. Как мы видим, внутри тех диалоговых отрывков, которые можно условно назвать нарративными, реализуется также зависимость выбора местоимения от инклюзивной / неинклюзивной точки зрения на объект.

5. Проверка альтернативных интерпретаций контекстов

Вопрос о том, какими правилами или тенденциями регулируется распределение местоимений в тексте, требует проверки и исключения возможных альтернативных интерпретаций. В данном случае в качестве альтернативной трактовки — в соответствии с принятым исследовательским узусом [Skilton, Peeters 2021: 263; Peeters et al. 2021: 419–420] — следует учесть концепцию «иерархии данности» (Givenness Hierarchy), в которой затрагивается выбор между указательными местоимениями и артиклями в дискурсе [Gundel et al. 1993; Gundel et al. 2010]. В соответствии с этой концепцией статус референта как данного / нового соотносится с информационным статусом в памяти или внимании адресата. «Иерархия данности» — это набор когнитивных статусов в сознании адресата (так, как их представляет себе и учитывает говорящий). Как предполагается, эти статусы определяют формы местоимений и детерминативов, а также условия употребления каждой формы в дискурсе.

Как известно, для английского языка шкала статусов выглядит следующим образом:

			uniquely		type	
in focus >	activated >	familiar >	identifiable >	referential >	indefinite	
<i>it</i>	<i>this, that, this</i> N	<i>that</i> N	<i>the</i> N	<i>this</i> N	<i>a</i> N	

Каждый статус является необходимым и достаточным условием для употребления соответствующих ему форм, причем для референта, имеющего данный статус, возможно употребление форм более низкого уровня [Gundel et al. 2010: 1771].

Типологическая проверка показывает, что в различных языках шкала статусов немного по-разному заполняется имеющимися в языке местоимениями [Gundel et al. 2010; Skilton, Peeters 2021: 263–264]. Так, в японском языке для активированного статуса возможны разные местоимения ближнего, среднего, дальнего дейксиса [Hedberg 2013]. Как была устроена древнеанглийская система, нам неизвестно, однако отдельные статусы «иерархии данности» могут быть частично протестированы на древнеанглийском материале «Беовульфа».

Анализ выявляет, что местоимение ‘этот’ не используется при обозначении референта в фокусе внимания или активированного референта, если отсутствует условие его прямой доступности (видимости) для адресата. Так, например, в монологе 362–371 воин, встретивший иноземную дружину Беовульфа, сообщает о ее прибытии своему господину Хродгару (ст. 362–363 ‘Здесь пришли издалека прибывшие и переправившиеся через океан люди гаутов’ (<...)). Монолог содержит краткое сообщение о прибывших воинах, их предводителе и вооружении. Референт ‘воины’ находится здесь на высшей ступени когнитивной иерархии: в фокусе внимания, и этому соответствует использование личного местоимения (*hy* ‘они’ в ст. 369 ‘Они по боевому снаряжению кажутся весьма достойными’), которое невозможно при более низких степенях активации референта. Но в следующем контексте референция к ‘воинам’ строится не с помощью местоимения ‘эти’, а с помощью именной группы с протоартиклевым местоимением (ст. 371 *þæt headorincum* ‘этих воинов’: ‘их вождь, который направил сюда этих воинов’). Местоимение ближнего дейксиса, теоретически возможное по «когнитивному статусу» (статус активированного референта), как мы полагаем, регулярно блокируется ситуацией речи: вестник входит туда, ‘где сидит Хродгар’, но дружина, о которой он рассказывает, остается вне палат и вне сферы доступности и видимости адресата.

Нетрудно найти и другие примеры с референтами высокого статуса, которые позволяют проверить вариативность средств идентификации референтов в поэтическом дискурсе. Так, большую часть рассказа Беовульфа о его победе в подводной битве (1653–1677) составляет сообщение о находке и использовании в деле меча, причем именно роль и поведение нового меча в бою находится в центре внимания рассказчика. ‘Меч’ последовательно упоминается в анафоре три раза (*увидел висящий старый меч* — Анаф *взмахнул этим <Det>оружием* — Анаф *этот <Det>боевой меч расплавился* — Анаф *эту <Det>рукоять меча вытащил из врага*), и каждый раз с протоартиклевым местоимением. Точка зрения Беовульфа как действующего лица битвы и активированность объекта ‘меч’ в дискурсе, казалось бы, допускают использование местоимения ‘этот’. Однако такое допущение игнорирует как ориентированность ‘этот’ на актуальную ситуацию речи, так и то, что события битвы находятся вне зоны доступности слушателей рассказа.

В то же время показательно, что данные других поэтических текстов⁷ демонстрируют высокую последовательность диалогового употребления местоимения ближнего дейксиса при референции к объекту в зоне доступности говорящего и адресата. Некоторые такие употребления кажутся на взгляд современного читателя избыточными, ср. двойное ‘этот’ в условиях неконтрастивной референции в «Юдифи»:

- (11) *Forgif me, swegl-es ealdor-Ø, / <...> þæt ic*
 простить\IMP я;DAT небо-GEN.SG отец-NOM что я;NOM
mid þys sweord-e mot-e/ geheawan
 с этот меч-DAT.SG быть должным-SG.SBJV.PRS ударить
þys-ne morðr-es brytta-n
 этот-ACC.M смерть-GEN. даритель-OBL

‘Прости мне, отец небесный, что я **этим мечом** должна ударить **этого сеятеля смерти**’. (Judith 88–91).

⁷ Результаты сплошной проверки по корпусу The Online Corpus of Old English Poetry.

Употребление местоимения ‘этот’ последовательно и в случаях многократного повторного упоминания одного и того же (непосредственно доступного, видимого) объекта в диалогах (ср. *bis sett* ‘это место, обиталище’, место обитания отшельника в «Гутлаке»).

Возвращаясь к оценке «иерархии данности», мы можем констатировать, что при обозначении референта одного и того же когнитивного статуса в «Беовульфе» могут использоваться и местоимение ближнего дейксиса, и протоартиклевое местоимение. При этом когнитивные статусы лишь санкционируют возможность употребления тех или иных местоимений, но не обладают объясняющей силой при анализе их варьирования. Напротив, описанные нами условия выбора протоартиклевого местоимения в зоне «ближнего дейксиса» дают непротиворечивую картину дистрибуции.

7. Заключение

Таким образом, протоартиклевое местоимение на ранней стадии грамматикализации древнеанглийского артикля может употребляться в диалоге «в зоне ответственности» местоимения ближнего дейксиса, причем подобные случаи подчиняются определенным закономерностям. Во-первых, протоартиклевое *se*, по имеющимся данным, регулярно стоит в катафоре к относительному придаточному предложению. Эта функция соотносится с анафорической функцией раннего артикля, но фактически соответствует доартиклевым универсальным употреблениям демонстративов в дискурсе (об этой типологии см. [Himmelman 1996: 218 –243; Diessel 1999: 93 –114]). При этом анализ обнаруживает неизвестную ранее асимметрию анафорических и катафорических связей, влияющих на возможность употребления протоартиклевого местоимения.

С другой стороны, фиксируются случаи, когда появление *se* связано с возможностью переключения на точку зрения третьего лица, о котором идет речь. Учитывая, что западногерманскому протоартиклевому местоимению нередко приписывается указание на сферу

третьего лица (*Der-Deixis*, т. е. предположительно элемент «лично-ориентированной» системы дейксиса, ср. [СГТЯ 1963: 318]), вполне вероятной кажется гипотеза о косвенном отражении в подобных контекстах исконной семантики слабоуказательного *se*. Если это предположение, для надежного подтверждения которого у нас нет достаточных данных, верно, то связь протоартиклевого местоимения со сферой третьего лица непосредственно объясняла бы его анафорические функции. В этом случае указание с помощью *se* на референтов в нарративном контексте можно было бы возводить к указанию на пространство, внешнее по отношению к пространству коммуникации⁸.

Оба типа контекстов с протоартиклем в диалогах («катафорический» и с переключением точки зрения), как очевидно, связаны с особенностями дискурса и должны быть квалифицированы как преартиклевые употребления местоимения. «Субстантно», по форме, местоимение в этих контекстах совпадает с ранним артиклем, но функционально его употребление обуславливается не процессом грамматикализации, а первичными местоименными свойствами. Эти особые случаи употребления существуют внутри протосистемы по ее законам, но переосмысляются при ее изменении и получают другое значение внутри более поздней новой системы. В исторической перспективе рассмотренные употребления готовят экспансию протоартикла как количественно, так и качественно: подготовкой проникновения артикла в первоначально несвойственные ему контексты.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — винительный падеж; DAT — дательный падеж; DEM — артиклевое слабоуказательное местоимение; GEN — генитив; IMP — императив; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж слабого склонения; PL — множественное число; PRS — презенс;

---

⁸ Ср. о базовой, экзофорической функции среднего дейктика: «Средний дейктик в общем случае указывает на видимый говорящему референт, находящийся во внешнем пространстве коммуникации» [Ростовцев-Поппель 2009: 33].

PRET — претерит; REL — относительная частица; SBJV — сослагательное наклонение в подчиненном предложении; SG — единственное число.

Литература

- Москальская 1977 — О. И. Москальская. Становление категории определенности / неопределенности // М. М. Гухман (ред.). Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М.: Наука, 1977. С. 238–286.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог». 2008. № 7 (14). С. 412–418.
- Пименова 2017 — Н. Б. Пименова. Дистрибуция протоартиклевого *jains* ‘этот’ и *sa* ‘этот, тот’ на ранней стадии грамматикализации готского артикля // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Vol. XXI. С. 661–671.
- Ростовцев-Поппель 2009 — А. А. Ростовцев-Поппель. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34.
- СГГЯ 1963 — М. М. Гухман (ред.). Сравнительно-историческая грамматика германских языков. Т. 3. М.: Наука, 1963.
- Стеблин-Каменский 2002 — М. И. Стеблин-Каменский. Древнеисландский язык. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Carlier, De Mulder 2010 — A. Carlier, W. De Mulder. The emergence of the definite article: *ille* in competition with *ipse* in Late Latin // K. Davidse, L. Vandelanotte, H. Guykens. Subjectification, Intersubjectification and grammaticalization. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 241–276. DOI: 10.1515/9783110226102.3.241.
- De Mulder, Carlier 2012 — W. De Mulder, A. Carlier. The grammaticalization of definite articles // B. Heine, H. Narrog (eds.). The Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0042.
- Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: Form, function and grammaticalization. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. DOI: 10.1075/tsl.42.
- Givón 2001 — T. Givón. Syntax: An introduction. Vol. I. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. DOI: 10.1075/z.syn1.
- Gundel et al. 1993 — J. K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // Language. 1993. Vol. 69. Iss. 2. P. 274–307. DOI: 10.2307/416535.

- Gundel et al. 2009 — J. K. Gundel, M. Bassene, B. Gordon, L. Humnick, A. Khalfaoui. Testing predictions of the Givenness Hierarchy Framework: A cross-linguistic investigation // *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 40. Iss. 7. P. 1770–1785. DOI: 10.1016/j.pragma.2009.09.010.
- Gutenbrunner 1951 — S. Gutenbrunner. *Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen*. Heidelberg: Carl Winter, 1951.
- Hawkins 2004 — J. A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press, 2004. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199252695.001.0001.
- Hedberg 2013 — N. Hedberg. Applying the Givenness Hierarchy Framework: Methodological issues // *International workshop on information structure of Austro-nesian languages*, 2013. URL: https://www.sfu.ca/~hedberg/Hedberg_Japan_paper_revisited.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
- Heine, Kuteva 2006 — B. Heine, T. Kuteva. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2006. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199297337.001.0001.
- Himmelmann 1996 — N. Himmelmann. Demonstratives in narrative discourse: a taxonomy of universal uses // B. A. Fox (ed.). *Studies in Anaphora*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 205–254. DOI: 10.1075/tsl.33.08him.
- Hodler 1954 — W. Hodler. *Grundzüge einer germanischen Artikellehre*. Heidelberg: C. Winter, 1954.
- Janssen 2004 — T. A. J. M. Janssen. Deixis and reference // G. Booji, C. Lehmann, J. Mugdan (eds.). *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. Halbband 2*. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. P. 993–998. DOI: 10.1515/9783110172782.2.13.983.
- Levinson 2018 — S. Levinson. Demonstrative: Patterns in Diversity // S. Levinson, S. Cutfield, M. J. Dunn, N. J. Enfield, S. Meira (eds.). *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 1–42. DOI: 10.1017/9781108333818.002.
- Miller 2019 — D. G. Miller. *The Oxford Gothic Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1093/oso/9780198813590.001.0001.
- Neidorf 2014 — L. Neidorf (ed.). *The dating of Beowulf: A Reassessment*. (Anglo-Saxon Studies 24). Cambridge: Rochester D. S. Brewer, 2014. DOI: 10.1093/res/hgw036.
- Peeters et al. 2021 — D. Peeters, E. Kraemer, A. Maes. A conceptual framework for the study of demonstrative reference // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2021. Vol. 28. Iss. 2. P. 409–433. DOI: 10.3758/s13423-020-01822-8.
- Schlachter 2020 — E. Schlachter. A complex grammaticalization scenario for the definite article: The interplay of different article forms // R. Szczepaniak,

- J. Flick (eds.). *Walking on the grammaticalization path of the definite article: functional main and side roads*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 17–42. DOI: 10.1075/silv.23.01sch.
- Skilton, Peeters 2021 — A. H. Skilton, D. Peeters. Cross-linguistic differences in demonstrative systems: Comparing spatial and non-spatial influences on demonstrative use in Ticuna and Dutch // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 180. P. 248–265. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.05.001.
- Skrzypek et al. 2021a — D. Skrzypek, A. Piotrowska, R. Jaworski (eds.). *The Diachrony of Definiteness in North Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2021.
- Skrzypek et al. 2021b — D. Skrzypek, A. Piotrowska, R. Jaworski. Reference in Discourse and Models of Article Grammaticalization // D. Skrzypek, A. Piotrowska, R. Jaworski (eds.). *The Diachrony of Definiteness in North Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2021. P. 12–69. DOI: 10.1163/9789004463684_003.
- Sommerer 2011 — L. Sommerer. *Old English se: from demonstrative to article. A usage-based study of nominal determination and category emergence*. Diss. Wien: Universität Wien, 2011. DOI: 10.25365/thesis.14573.
- Steiner 2008 — E. Steiner. *The Dating and Databilty of Beowulf in an Historical and Eschatological Context*. Honours Thesis. Sydney: University of Sydney, 2008.
- Stroh-Wollin 2016 — U. Stroh-Wollin. *The emergence of definiteness marking in Scandinavian — new answers to old questions* // *Arkiv för nordsk filologi*. Vol. 131. P. 129–169.
- Szczepaniak, Flick 2020 — R. Szczepaniak, J. Flick (eds.). *Walking on the grammaticalization path of the definite article: functional main and side roads*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020. DOI: 10.1075/silv.23.

Источники

The Online Corpus of Old English Poetry (Электронный ресурс). URL: <http://www.opoetry.ca> (дата обращения: 10.05.2022).

References

- Carlier, De Mulder 2010 — A. Carlier, W. De Mulder. The emergence of the definite article: *ille* in competition with *ipse* in Late Latin. K. Davidse, L. Vandellanoote, H. Guykens. *Subjectification, Intersubjectification and grammaticalization*. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 241–276. DOI: 10.1515/9783110226102.3.241.

- De Mulder, Carlier 2012 — W. De Mulder, A. Carlier. The grammaticalization of definite articles. B. Heine, H. Narrog (eds.). *The Oxford Handbook of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0042.
- Diessel 1999 — H. Diessel. *Demonstratives: Form, function and grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. DOI: 10.1075/tsl.42.
- Givón 2001 — T. Givón. *Syntax: An introduction*. Vol. I. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. DOI: 10.1075/z.syn1.
- Gundel et al. 1993 — J. K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*. 1993. Vol. 69. Iss. 2. P. 274–307. DOI: 10.2307/416535.
- Gundel et al. 2009 — J. K. Gundel, M. Bassene, B. Gordon, L. Humnick, A. Khalifaoui. Testing predictions of the Givenness Hierarchy Framework: A cross-linguistic investigation. *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 40. Iss. 7. P. 1770–1785. DOI: 10.1016/j.pragma.2009.09.010.
- Gutenbrunner 1951 — S. Gutenbrunner. *Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen*. Heidelberg: Carl Winter, 1951.
- Hawkins 2004 — J. A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press, 2004. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199252695.001.0001.
- Hedberg 2013 — N. Hedberg. Applying the Givenness Hierarchy Framework: Methodological issues. *International workshop on information structure of Austronesian languages*, 2013. Available at https://www.sfu.ca/~hedberg/Hedberg_Japan_paper_revisited.pdf (accessed 10.05.2022).
- Heine, Kuteva 2006 — B. Heine, T. Kuteva. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2006. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199297337.001.0001.
- Himmelmann 1996 — N. Himmelmann. Demonstratives in narrative discourse: a taxonomy of universal uses. B. A. Fox (ed.). *Studies in Anaphora*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 205–254. DOI: 10.1075/tsl.33.08him.
- Hodler 1954 — W. Hodler. *Grundzüge einer germanischen Artikellehre*. Heidelberg: C. Winter, 1954.
- Janssen 2004 — T. A. J. M. Janssen. Deixis and reference. G. Booji, C. Lehmann, J. Mugdan (eds.). *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Halbband 2. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. P. 993–998. DOI: 10.1515/9783110172782.2.13.983.
- Levinson 2018 — S. Levinson. Demonstrative: Patterns in Diversity. S. Levinson, S. Cutfield, M. J. Dunn, N. J. Enfield, S. Meira (eds.). *Demonstratives*

- in *Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 1–42. DOI: 10.1017/9781108333818.002.
- Miller 2019 — D. G. Miller. *The Oxford Gothic Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1093/oso/9780198813590.001.0001.
- Moskalskaya 1977 — O. I. Moskalskaya. Stanovleniye kategorii opredelennosti / neopredelennosti [Evolution of the category of definiteness / indefiniteness]. M. M. Guchman (ed.). *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov. Fonomorfologiya. Paradigmatika. Kategoriya imeni* [Historical-typological morphology of Germanic languages. Phonomorphology. Paradigmatics. The noun category]. Moscow: Nauka, 1977. P. 238–286.
- Neidorf 2014 — L. Neidorf (ed.). *The dating of Beowulf: A Reassessment*. (Anglo-Saxon Studies 24). Cambridge: Rochester D. S. Brewer, 2014. DOI: 10.1093/res/hgw036.
- Paducheva 2008 — E. V. Paducheva. Rezhim interpretatsii kak kontekst, snimayushchiy neodnoznachnost [Register of interpretation as disambiguating context]. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International conference "Dialogue"*. 2008. № 7 (14). P. 412–418.
- Pimenova 2017 — N. B. Pimenova. Distributsiya protoartiklevo go *jains* ‘etot’ i *sa* ‘etot, tot’ na ranney stadii grammatikalizatsii gotskogo artiklya [Distribution of the demonstratives *sa* ‘this, that’, and *jains* ‘that’ at an early stage of the grammaticalization of the Gothic article]. *Indoyevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2017. Vol. XXI. P. 661–671.
- Peeters et al. 2021 — D. Peeters, E. Krahmer, A. Maes. A conceptual framework for the study of demonstrative reference. *Psychonomic Bulletin and Review*. 2021. Vol. 28. Iss. 2. P. 409–433. DOI: 10.3758/s13423-020-01822-8.
- Rostovtsev-Poppel 2009 — A. A. Rostovtsev-Poppel. Tipologiya demonstrativov: sredniye deytiki [A typology of demonstratives: the medial deictic category]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2009. № 2. P. 22–34.
- SGGYA 1963 — M. M. Guchman (ed.). *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika germanskikh yazykov* [A historical-comparative grammar of Germanic languages]. Vol. III. Moscow: Nauka, 1963.
- Schlachter 2020 — E. Schlachter. A complex grammaticalization scenario for the definite article: The interplay of different article forms. R. Szczepaniak, J. Flick (eds.). *Walking on the grammaticalization path of the definite article: functional main and side roads*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 17–42. DOI: 10.1075/silv.23.01sch.
- Skilton, Peeters 2021 — A. H. Skilton, D. Peeters. Cross-linguistic differences in demonstrative systems: Comparing spatial and non-spatial influences on demonstrative use in Ticuna and Dutch. *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 180. P. 248–265. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.05.00.

- Skrzypek et al. 2021a — D. Skrzypek, A. Piotrowska, R. Jaworski (eds.). *The Diachrony of Definiteness in North Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2021.
- Skrzypek et al. 2021b — D. Skrzypek, A. Piotrowska, R. Jaworski. Reference in Discourse and Models of Article Grammaticalization. D. Skrzypek, A. Piotrowska, R. Jaworski (eds.). *The Diachrony of Definiteness in North Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2021. P. 12–69. DOI: 10.1163/9789004463684_003.
- Sommerer 2011 — L. Sommerer. *Old English se: from demonstrative to article. A usage-based study of nominal determination and category emergence*. Diss. Wien: Universität Wien, 2011. DOI: 10.25365/thesis.14573.
- Steblyn-Kamenskiy 2002 — M. I. Steblyn-Kamenskiy. *Drevneislandskiy yazyk* [The Old Icelandic language]. Moscow: Editorial URSS, 2002.
- Steiner 2008 — E. Steiner. *The Dating and Datability of Beowulf in an Historical and Eschatological Context*. Honours Thesis. Sydney: University of Sydney, 2008.
- Stroh-Wollin 2016 — U. Stroh-Wollin. The emergence of definiteness marking in Scandinavian — new answers to old questions. *Arkiv för nordisk filologi*. 2016. Vol. 131. P. 129–169.
- Szczepaniak, Flick 2020 — R. Szczepaniak, J. Flick (eds.). *Walking on the grammaticalization path of the definite article: functional main and side roads*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020. DOI: 10.1075/silv.23.

Получено / received 02.06.2022

Принято / accepted 21.02.2023